

АННА ВЛАДИМИРОВНА БАБАЕВА

УДК 130.2

доктор философских наук, профессор
Воронежский государственный университет
инженерных технологий, Воронеж, Россия
annabab1@yandex.ru

«ДВУЛИКИЙ ЯНУС» СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОДИФИКАЦИИ

Аннотация: В статье проводится анализ трансформаций в пространстве культуры, произошедших за последнее десятилетие. Особое внимание уделяется понятию «код». Автор рассматривает процесс включения данного понятия в научный дискурс. Обращает внимание на то, что, несмотря на «расплывчатость» данного понятия оно со второй половины XX века, активно используется в процессе изучения культур. Социокультурный код представлен в виде системы определенных правил, при помощи которых выявляется смысловое содержание знаковых систем конкретного культурного пространства. Особое внимание уделяется «многослойности» культурных кодов. Демонстрируется процесс разграничения между «Своими» и «Чужими» с помощью «внутреннего» смысла, включенного в социокультурный код. Умение «прочитывать» «скрытое» в культурном коде позволяло сформировать более глубокое понимание социокультурного своеобразия. В материале проводится краткий анализ изменений, произошедших в культурном пространстве современного российского общества. Схемы восприятия, языки, формы воспроизведения и обмена изменились на глазах одного поколения. Развитие цифровых технологий привело к «взрыву» массовой коммуникации, которая поглотила и растворила в себе любую сингулярность, заменила слово картинкой. Расширение и рост информации, ее бесконечное продление начинает симулировать смыслы. Значок, иконка перестает нести в себе многослойность. Эффект картинки направлен на переживание, а не к про-мысливанию. Автор подчеркивает, что произошедшие изменения, привели к трансформациям в системе «кодирование-декодирование». Современные социокультурные

коды постепенно теряют «скрытый» смысл, становясь одномерными. Все чаще процесс кодификации напоминает принцип работы компьютерного кода, когда все «лишнее» исключается из шкалы оценок и действий. В такой ситуации мир начинает оцениваться только с помощью двоичного кода как «хорошее и плохое».

Ключевые слова: код; культура; кодирование-декодирование; цифровая цивилизация; социокультурные трансформации; человек.

Для цитирования: Бабаева А.В. «Двуликий Янус» социокультурной кодификации // Studia Culturae. 2022, 2 (52). С. 9–20. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-9-20

ANNA V. BABAEVA

Doctor of Philosophy, Professor,
Voronezh State University of Engineering Technologies,
Voronezh, Russia
annabab1@yandex.ru

“TWO-FACED JANUS” OF SOCIO-CULTURAL CODIFICATION

Abstract: The article analyzes the transformations in the cultural space that have occurred over the past decade. Special attention is paid to the concept of “code”. The author examines the process of including this concept in scientific discourse. Draws attention to the fact that, despite the “vagueness” of this concept, it has been actively used in the process of distinguishing cultures since the second half of the twentieth century. The socio-cultural code is presented in the form of a system of certain rules, with the help of which the semantic content of the sign systems of a particular cultural space is revealed. Special attention is paid to the “layering” of cultural codes. The process of differentiation between “Own” and “Others” is demonstrated using the “inner” meaning included in the socio-cultural code. The ability to “read” the “hidden” in the cultural code made it possible to form a deeper understanding of socio-cultural identity. The article provides a brief analysis of the changes that have occurred in the cultural space of modern Russian society. Perception patterns, languages, forms of reproduction and exchange have changed before the eyes of one generation. The development of digital technologies led to the “explosion” of mass communication, which

absorbed and dissolved any singularity, replaced the word with a picture. The expansion and growth of information, its endless extension begins to simulate meanings. The icon, the icon ceases to carry a layering. The effect of the picture is aimed at experiencing, not thinking. The author emphasizes that the changes that have taken place have led to transformations in the “encoding-decoding” system. Modern sociocultural codes are gradually losing their “hidden” meaning, becoming one-dimensional. Increasingly, the codification process resembles the principle of computer code, when everything “superfluous” is excluded from the scale of assessments and actions. In such a situation, the world begins to be evaluated only with the help of binary code as “good and bad”.

Keywords: code; culture; decodification; digital civilization; socio-cultural transformations; human.

For citation: Babaeva A.V. “Two-faced Janus” of Socio-Cultural Codification // *Studia Culturae*. 2022, 2 (52). P. 9–20. DOI: 10.31312/2310-1245-2022-52-9-20

«Мы хотим привнести новые типы мышления».

*Мэтт Линстон, бывший гендиректор
блокчейн-проекта Augur, 2018 год*

В состоянии кризиса человеку свойственно в «бурном море» событий искать якорь, который поможет пережить/выжить в трудных ситуациях. Проблематизация кода в последнее время напоминает желание найти в нем спасительный якорь, «остров стабильности» в мире «текучей современности». Культурный код начинает наделяться особым смыслом, связанным с формированием представления о чем-то незыблемом, вечном, неизменном в культурах, что позволяет выстроить четкие ориентиры, разделив «Своих» и «Чужих». Действительно ли культурный код может реализовать все приписывающие ему функции или это очередной миф, который необходим в мире перемен?

Традиционно в исследованиях отмечается, что само понятие вводится Р. Бартом в книге «S/Z» (1970). Одновременно

с использованием данного понятия Р. Барт выделяет несколько видов кода: герменевтический, нарративный, символический, семный (наипростейшей знаковой единицы, из которой вырастает смысл сообщения) и референционный. Определение, предложенное Р. Бартом, звучит достаточно неоднозначно. «Мы называем кодами просто ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре; код, как мы его понимаем, принадлежит главным образом к сфере культуры: коды — это определенные типы уже виденного, уже читанного, уже деланного; код есть конкретная форма этого «уже», конституирующего всякое письмо» [1. С. 455].

Несмотря на неоднозначность данного определение термин начинает свое «путешествие» в трудах исследователей второй половины XX века. Причем начинается поиск не только четких границ смыслового поля понятия «код», но и стремление найти данному понятию синонимы. Мы встречаем в трудах Якобсона и У. Эко представление о том, что код выступает синонимом таким понятиям как «семиотическая структура», «знаковая система». У. Эко представляет код в виде: знаковой системы; правил сочетания, упорядочения символов, или как способ структурирования; окказионально взаимоднозначного соответствия каждого символа какому-то одному означаемому. Код начинают соотносить с базовым основанием культуры, благодаря которому можно провести анализ глубинных, скрытых механизмов социокультурных процессов, понять принципы функционирования той или иной культуры. «Всякая культура обладает своим набором скрытых механизмов, обеспечивающих ее существование в определенном регионе. Эти механизмы называются “скрытыми” вследствие того, что посторонний наблюдатель не сможет о них узнать посредством языковых способов (точнее — посредством только языковых способов). Причастность к этим “интимным” механизмам обеспечивается тем

сложнейшим комплексом внутренних представлений и внешних оптико-акустических средств, который можно условно обозначить термином “символический аппарат”» [2. С. 119]. Каждая культура несет в себе только ему присущий язык кодов, которые, будучи связанными между собой, образуют ее символические тексты.

Дешифровка данных символов связана с раскрытием семантики закодированных в культуре определенных символов. Картина мира конкретной культуры начинает восприниматься как система культурных текстов, которые человек в процессе социализации учился дешифровать. Человек постоянно находится в процессе кодирования и декодирования окружающего культурного пространства. Индивид, сам получая систему кодов, пытается через них установить отношения между собой и окружающим миром. Культурные коды предписываются господствующей ценностно-нормативной системой. Они вырабатывают соответствующую реакцию на происходящие события. М. Фуко отмечал, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменом, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [3. С. 37].

Американский исследователь К. Рапай в одноименной книге «Культурный код» представляет его как: «культурное несознательное. Он определяет набор образов, которые связаны с любым понятием в нашем сознании. Это не то, что мы говорим или четко осознаем, а то, что скрыто даже от нашего собственного понимания, но проявляется в наших поступках. Смысл образов в разных культурах не совпадает» [4. С. 9] Согласно К. Рапаю, запечатленные в детстве эмоциональные образы управляют мышлением и определяют будущие действия. «Запечатленный образ и код — это примерно как замок

и шифр к нему. Зная последовательность цифр и букв, вы можете открыть замок» [4. С. 19]. Постижение эмоций и смыслов, которые несут в себе культурные коды различных народов, их расшифровка дают ключ к пониманию поведения людей и межкультурных отличий. К. Рапай подчеркивает: «Понимание культурных кодов обеспечивает нас прекрасным новым инструментом, своего рода новыми очками, через которые мы можем изучить себя и свое поведение» [4. С. 19].

В этом же ключе культурный код трактует и профессор Йельского университета Джеффри Александер, который пишет: «культурные множества состоят из культурных кодов, образуя мощную структуру символических отношений, независимых от конкретной воли или речи социального деятеля. Культурные коды, как и живой язык, построены на знаках, содержащих и означающее, и означаемое» [5. С. 92].

В «Энциклопедии постмодернизма», вышедшей в 2001 г., код представлен как «понятие, широко используемое в семиотике и позволяющее раскрыть механизм порождения смысла сообщения» [6. С. 364–365].

Приводить примеры определений и многообразные оценки понятия «код» можно и дальше, но наша задача не выявление смысловых полей термина. Мы ставим иную задачу: постараться понять, может ли код, как отмечал П. Бурдьё «покончить с размытостью, неясностью, с плохо очерченными границами и приблизительными делениями, производя четкие классы, оперируя отчетливыми делениями... Кодификация делает вещи простыми, ясными, коммуникабельными...» [7. С. 127]. Осуществляя работу с кодами человек строил не только эталоны поведения, социальные роли, но и осмысливал ту реальность, в которую он был погружен. «Основопологающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменом, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями, иерархией ее практик, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки» — писал в XX веке М. Фуко [3. С. 37].

Мир цифры активно «взламывает/размывает» существовавшие границы. Социальное бытие все больше напоминает ленту Мёбиуса, где мир становится единой искривленной плоскостью. Вещи становятся вровень с людьми, образуя союзы «под задачу», «по ситуации», «по случаю». Но это не символическое единство людей и вещей, о котором писали Михаил Бахтин или Мартин Хайдеггер. В мире искривленного плоского бытия нечеловеческие объекты часто оказывают на человеческое гораздо большее воздействие, чем сами люди, подверженные контролю. На смену вектора времени от прошлого, через настоящее к будущему приходит «теперизм». Жить здесь и сейчас — культ настоящего. Прошлое и будущее заменяются исключительно настоящим, когда каждое следующее мгновение уничтожает предыдущее. Чрезмерно быстрые социальные изменения превращаются в серию несвязанных между собой, разрозненных эпизодов. Многие исследователи отмечают, что «современное общество обретает такие черты, как диффузность, нелинейный характер развития, приводящий к разрывам социума, культурным травмам, парадоксам, “размыванию” нормативности, что создает предпосылки социальной неопределенности» [5. С. 93]

Интернет пространство принципиально изменило первоначальный феномен коммуникации. С одной стороны, общения стало без-границным и возможности найти «свой» круг общения многократно увеличился. С другой — больше нет необходимости в «подгонке» друг к другу и к формированию «Мы» как объединению уникальных «Я». Наступило время массовой коммуникации, которая поглощает и растворяет в себе любую сингулярность, — это время не личностей и даже не индивидов, это время «дивидуумов» (Ницше, Делез) и «интердивидуумов» (Жирар), представляющие собой «расширение самости», причем вплоть до того предела, где она не может быть по своей природной данности. Задача пользователей заявить о себе — «Я здесь» — содержание не имеет никакого значения. И как результат в этом мире оцифровки

всего и вся слова-понятия, как основа передачи смыслов, сменяется картинкой-образом, которые изначально несут в себе многозначность. Происходит потеря однозначности, т. е. *telo-sa* языка. В свое время Аристотель признавал, что конкретное слово может иметь много смыслов, но эти смыслы должны быть различны и точно определены. В XX веке мы встречаем такой же взгляд у Ж. Деррида: «Каждый раз, когда полисемия оказывается неустранимой, когда ей даже не обещано какого-то единства смысла, мы оказываемся вне языка. И, следовательно, вне человечества. Тот, кто не подчиняется этому закону... в итоге ничего не говорит» [8. С. 285]. Информация все больше не имеет отношения к смыслу, потому что смысл предполагает иерархизированный план бытия. Расширение и рост информации, ее бесконечное продление симулирует смыслы. Кажется, что смысл дальше, ты только открой новую вкладку в Сети и посмотри, а потом еще и еще. Формируется традиция тотального расширения сетей. «Не нужно выпрыгивать из Сети наружу, чтобы создать объяснение (причину, фактор, множество факторов, серии совместных появлений), нужно просто расширить Сеть дальше... Объяснение невозможно, если Сеть не расширяет себя» [9. С. 188].

Я не случайно в названии использовала образ «двуликого Януса». Любой культурный код всегда был представлен несколькими пластами, у него была «глубина», позволяющая более точно разграничить включенных в «свои» социокультурные группы и находящихся на их границах или, вообще, «выключенных» из них. Иначе говоря, всякий код представляет собой систему закономерных связей между несущим информацию выражением и передающими его знаками, которые могли «прочсть» включенные в конкретную социокультурную группу. Коды формировали семиотические правила «чтения» культурных текстов. В эти тексты включаются только те элементы и структуры, которые отвечают за передачу смыслов в системе данного кода. За внешней стороной любого

культурного кода, всегда скрывается еще одна, отсылающая к знанию, пониманию. Можно просто воспроизвести фразу: «Я каждый день хожу к 8 утра на работу. Подвиг не подвиг, но что-то героическое в этом есть». А можно «заговорщицки» переглянуться с любителями фильмографии М. Захарова. Код в культуре слов включает в себе множество пластов. Он воспринимался универсальной установкой, нормой-предписанием, которая фиксирует в себе базовые ценности общества или группы.

Цифровая культура заменила слово картинкой. Казалось бы, многообразие комбинаций «прочтения» должно возрасти, должна увеличиться глубина смыслов. А мы сталкиваемся с усилением поверхностного восприятия. Зачем искать какие-то смыслы в ясной и понятной всем картинке. Значок, иконка перестает нести в себе многослойность. Эффект картинки направлен на переживание, а не к про-мысливанию. Цифровая культура обращается к эмоциональной стороне, а не к рациональной. Да из многочисленных эмоций удивление «вымывается» скоростью смены событий, когда каждое последующее ярче, событийнее предыдущего.

«Эра пустоты» набирает обороты. На наших глазах возникает эпоха эха, — «мы больше не слышим звуков — кругом лишь отзвуки, отзвуки в обморочном ландшафте, накрытом беспмятным и бессобытийным временем и наполненным скучной и тоскливой банальностью расхожих слов и глупостей» [10. С. 32].

Формируется практика восприятия событию, людей, как неких абстракций или, как отмечал Слава Жижек, сегодня мы относимся к другим, их чувствам и страданиям, как к некой абстракции: «подробности интимной жизни становятся доступными каждому на веб-сайтах, а не непристойной тайной; выражаясь несколько консервативно, скандал заключается в том, что нет больше никакого скандала» [11. С. 81] Все стало прозрачно и в этой прозрачности «растворяется» глубина.

Мы все чаще и чаще воспринимаем только то, что лежит на поверхности. Процесс декодирования с одной стороны «расплывается», с другой — становится «проще», т. к. никто не старается искать какую-ту глубину.

Схемы восприятия, языки, формы воспроизведения и обмена изменились на глазах одного поколения. Молодежный сленг достаточно динамично меняется, слова, которые были «в ходу» в 2020 году в 2022 году заменились новыми. Лингвисты отмечают, что в мире происходит «бум» словообразований. Причем это не привычные формы слов, чаще всего это искусственные «гибриды» объединяющие цифры и слоги, алогичные сокращения и т. д. Например: 100л; пре2рительно; вы3; 40и и т. п. Интернет пространство «завалено» своеобразными сокращениями вида: лак — линейка, ПМ — личное сообщение, ОпСоС — оператор сотовой связи; кст — кстати; кмк — как мне кажется и т. п. Некий «примитивизм» можно увидеть и в возрастании использования заимствованных, чаще всего англоязычных слов, которые отражают целый спектр эмоций человека. Например, слова «зашквар», «кринж», или слово «рун», которое по подсчетам лингвистов имеет целых 645 значений.

Кроме этого, Интернет-браузер создал новую форму «чтения», при которой пользователи уже не столько читают что-то онлайн, сколько просто просматривают сайты. Вместо того чтобы читать слева направо, вверх и вниз, как это делалось веками, мы теперь все чаще просматриваем заголовки и подзаголовки, а также различные маркеры и информацию, которая выделяется изданием специальным шрифтом или цветом.

В такой ситуации процесс декодирования начинает строиться не на целой, а только на части информации, которая при этом еще и может быть им субъективно воспринята, а смысл как-то теряется в «шуме» бес-смысленных звуков. Как отмечал Н. Больц «нам требуется Ноев ковчег во всемирном постопе смыслов» [12. С. 19]. Пока же «Ноев ковчег» не построен,

кодификация осуществляется по принципу компьютерного кода, когда все «лишнее» исключается из шкалы оценок и действий. В такой ситуации мир начинает оцениваться только с помощью двоичного кода как «хорошее и плохое».

Список литературы | References

1. Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
Bart R. *Selected works: semiotics: poetics*, Moscow, Progress, 1989. 616 p. (In Russ.)
2. Мамардашвили М., Пятигорский А. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
Mamardashvili M., Pyatigorsky A. *Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language*, Moscow, School "Languages of Russian culture", 1997. 224 p. (In Russ.)
3. Фуко М. Слова и вещи. М., 1977. 488 с.
Foucault M. *Words and things*, Moscow, 1977. 488 p. (In Russ.)
4. Рапай К. Культурный код: Как мы живём, что покупаем и почему: пер с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. 167 с.
Rapay K. *Cultural code: How we live, what we buy and why*, Moscow, Alpina Business Books, 2008. 167 p. (In Russ.)
5. Александер Дж. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. Хрестоматия / под ред. С.А. Ерофеева. Ч. II. Казань: Из-во Казанского ун-та, 2001. 188 с.
Alexander J. "The promise of cultural sociology: technological discourse and sacred and profane information machines", *Contexts of modernity: actual problems of society and culture in Western social theory, Part II*, Kazan, 2001. (In Russ.)
6. Постмодернизм: энциклопедия / под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. Минск: Интерпресс сервис; Книжный дом, 2001.

- Gritsanov A.A., Mozheyko M.A. (eds.), *Postmodernism: Encyclopedia*, Minsk, Interpresservice; Book House, 2001. (In Russ.)
7. Бурдые П. Кодификация // Бурдые П. Начала / пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
Bourdieu P. "Codification", in: *Beginnings*, Moscow, Socio-Logos, 1994. 288 p. (In Russ.)
 8. Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. 376 с.
Derrida J. *Fields of Philosophy*, Moscow, Academic Project, 2012. 376 p. (In Russ.)
 9. Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017, № 1 (27). С. 173–200.
Latour B. "On actor-network theory. Some clarifications, supplemented with even greater complications", *Logos*, 2017, no. 1 (27): 173–200. (In Russ.)
 10. Сухачев В.Ю., Майор М.Н. «И Слово стало плотию», или плоть масс-медиа // Медиафилософия VII. Медиареальность субъекта / под ред. В.В. Савчука, М.А. Степанова. СПб. 2009. 245 с.
Sukhachev V.Yu., Major M.N. "‘And the Word became flesh’, or the flesh of mass media", in: Savchuk V.V., Stepanov M.A. (eds.) *Media philosophy VII. The media reality of the subject*, St. Petersburg, 2009. 245 p. (In Russ.)
 11. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: AdMarginem, 2003. 256 с.
Zizek S. *13 experiments on Lenin*, Moscow, AdMarginem, 2003. 256 p. (In Russ.)
 12. Больц Н. Азбука медиа / пер. с нем. Л. Ионина и А. Черных. М.: Европа, 2011. 132 с.
Boltz N. *ABC media*, Moscow, Europe, 2011. 132 p. (In Russ.)
 13. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
Bauman Z. *Fluid modernity*, St. Petersburg, Peter, 2008. 240 p. (In Russ.)